

Кошкина Е.Г.
Москва, Россия

Koshkina E.G.
Moscow, Russia

Анализ семантических процессов в лексических единицах немецкого языка, вербализующих концепт «пространство» (диахронический аспект)

Analysis of semantic processes in German lexical units which verbalize the concept «Room» (from the diachronic aspect)

Аннотация. В статье представлен анализ семантических процессов в лексических единицах немецкого языка, вербализующих концепт «пространство»; изменение значения лексем рассматривается автором как следствие изменений в концептуальной картине мира, отражающих меняющиеся условия объективной действительности.

Abstract. This article analyzes semantic processes in German lexical units which verbalize the concept «Room»; the meaning's change of linguistic units is considered by the article's author as a consequence of changes in the conceptual worldview which reflecting a shifting objective reality

Ключевые слова: виды изменения значения, концептуальная картина мира, вербализация концепта «пространство».

Keywords: the kinds of the meaning's change of German lexemes, the conceptual worldview, verbalization of the concept "Room"

Сведения об авторе: Кошкина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка. Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

About the Author: Koshkina Elena Gennadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Place of employment: National Research University Higher School of Economics

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru.

Языковая система находится в непрерывном процессе развития, подвергаясь различным диахроническим преобразованиям, затрагивающим все уровни языка: фонемный, морфемный, лексический и синтаксический.

Эволюция языка является результатом действия внешних, или экстралингвистических факторов, а также внутренних, интралингвистических причин.

Если причина не может быть усмотрена в самом языковом механизме и лежит за пределами его сферы, она может, соответственно, квалифицироваться как внешняя.

К внешним причинам мы относим всю совокупность необычайно разнообразных импульсов, идущих из окружающей язык среды и связанных, прежде всего, с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, объединением и распадом речевых коллективов, изменением форм общения, прогрессом культуры и техники и т.п.

К причинам внутреннего порядка принадлежат различные импульсы, возникающие в связи с целенаправленной тенденцией к усовершенствованию существующей системы языка; к внутренним причинам мы относим также разнообразные тенденции, направленные на приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма, тенденции, обусловленные необходимостью улучшения самого языкового механизма, тенденции, вызванные необходимостью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности и т. п.

Изменения в языковой системе наиболее интересно наблюдать на лексической системе на примере диахронического развития семантики лексем, описывая изменение их значения.

К.-Э. Зоммерфельд и В. Шпивок связывают естественный процесс трансформации значения слова с изменением самого объекта / явления, их новой оценкой, рассматривают их как следствие роста познавательных потребностей (*gesellschaftlicher Erkenntniszuwachs*) человека, или как следствие отклонения от его традиционной формы употребления, о чем также пишет Г. Фриц [Fritz 2006: 5].

Стремление к языковой экономии, четкости, большей выразительной силе также могут стать причинами изменения значения.

С точки зрения логики различают два основных вида изменения значения. Это «улучшение значение слова» (*meliorativer Bedeutungswandel / Werterhöhung*), когда в семантической структуре изначально нейтральной лексемы появляется положительно маркированный дополнительный семантический конституент («*eine ursprünglich wertneutrale Bedeutung nimmt ein positiv wertendes Merkmal auf*¹»).

¹ лексема *Mut* имела изначально нейтральное значение «настроение», значение «смелость развивается у лексемы» вследствие появления в структуре значения элемента «смелый, бесстрашный»

Сюда же относятся случаи, когда нейтральное слово начинает употребляться в поэтических текстах и т.п. как лексема высокого стиля² [Sachwörterbuch 1989].

Обратный процесс изменение значения – «ухудшение» (pejorativer Bedeutungswandel, Wertminderung). Употребляемая первично как нейтральная или положительная, лексема приобретает негативный оценочный компонент (ein ursprünglich wertneutrales oder positiv wertendes Wort nimmt in seine Bedeutung ein negativ wertendes Merkmal³). Об ухудшении значения речь идет также и тогда, когда слово перестает быть нейтральным, употребляется как фамильярно-разговорное или вульгарное⁴.

Описывая процесс изменения значения, Ульрих Винфрид, рассматривает его четыре вида: расширение значения (Bedeutungserweiterung (Generalisierung⁵), сужение значения или специализация (Bedeutungsverengung (Spezialisierung⁶) улучшение значения (Bedeutungsverbesserung⁷), ухудшение значения (Bedeutungsverschlechterung⁸), а также перенос значения (Bedeutungsübertragung) [Winfried Ulrich 1972].

Соглашаясь с Т. Шиппан, Т. Левандовский рассматривает процесс изменения значение как результат изменения отношения между формой и содержанием. Речь идет о тех случаях, когда с прежним формативом мы связываем полностью новое значение или когда в семантическую структуру слова входит новая сема, позволяя лексеме употребляться в ситуациях, ранее для нее не характерных.

Основная причина изменения значения заключается, по мнению Т. Левандовского в его природе. Ученый обозначает это термином «Wandelbarkeit der Bedeutung», характеризуя само значение как дискретное, расплывчато-неточное, никогда не однозначное («nie eindeutig-festliegend, oft vieldeutig-schillernd») [Lewandowski 1979].

² употребляемая в современном языке как лексема высокого стиля слово *Nachen* (челн) служило ранее нейтральным обозначением лодки.

³ лексема «*Hochmut*» имела положительное значение «возвышенный благородный образ мыслей», с течением времени слово приобретает значение «высокомерие»

⁴ до 16 в. лексема «*Maul*» употреблялась нейтрально («*menschlicher Gesichtsteil*»), теперь мы встречаем только ее фамильярно-разговорный вариант («пасть»)

⁵ лексема *fertig* в средневерхненемецком (свн. *vertet*) имела только, одно узко специальное значение «готовый к отправлению в путь»; «*Herr*» - изначально обращение к феодалу, позже – обращение ко всем взрослым лицам мужского пола; «*ein bisschen*» - „ein kleiner Bissen“ → jede kleine Menge

⁶ Средневерхненемецкое *höhezit* „jedes hohe Fest“ вследствие расширения значения описывает только праздник по случаю женитьбы «*Vermählungsfeier*»

⁷ свн. *marschalk* «конюх» → нвн. *Marschall* (полководец)

⁸ свн. *wîr* «*Frau*» → нвн. *Weib* «*verachtungswürdige Frau*», также двн. *karkâri*, свн. *kerker* «ограждение» → «*тюрьма*», ср.: *êwiger kerker* «ад»

Изменение значение может быть следствием воздействия на язык общественно-исторических и культурно-технологических факторов.

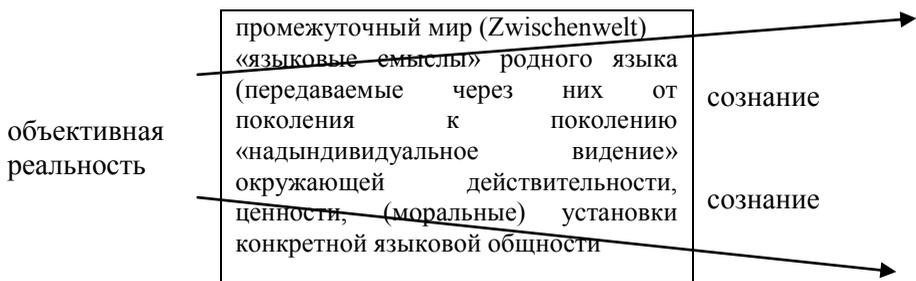
Однако влияние последних не является прямым, поскольку язык отражает объективную реальность не напрямую. Уже в теории Гумбольдта говорится о том, что слово – это не «(вербальный) оттиск» (прямое отображение) самого предмета. Это – «(вербальный) оттиск» отображенного в нашем сознании видения реального предмета» („das Wort ist nicht ein Abdruck des Gegenstandes an sich, sondern (ein Abdruck) des von diesem (Gegenstand) in der Seele erzeugten Bildes“, das die Folge der subjektiven Auffassung ist) [Lewandowski 1979].

Описывая процесс восприятия предметов и явлений объективной действительности, Винфрид Ульрих вводит понятие промежуточного мира (“Zwischenwelt“), в котором происходит переработка поступившей извне через органы чувств информации об окружающем мире. В качестве конститuent этого промежуточного мира Винфрид Ульрих рассматривал языковые смыслы родного языка (передаваемые через них от поколения к поколению «надындивидуальное видение» окружающей действительности, ценности, (моральные) установки конкретной языковой общности и др.)⁹ [Winfried Ulrich 1972].

Аналогичной точки зрения придерживается Х. Гиппер, который говорит о невозможности осознания поступающей извне информации без «включения» в процесс ее когнитивной обработки уже сформированного в сознании понятийного мира (der Sprecher schaltet die vorgegebene Begriffswelt der verfügbaren Sprachinhalte zwischen sich und die Gegenstände unausgesetzt, weil ohne deren Vermittlung die Dinge geistig nicht zu haben sind) [Gipper 1972].

Об этом пишет также и Лео Вайсгербер, подчеркивая, что на окружающий его мир человек смотрит только через «призму промежуточного мира», который детерминирован языком (die Realität wird vom Individuum nur durch die Zwischenwelt gesehen, die von Sprache zu Sprache unterschiedlich geprägt ist) [Weisgerber 1963].

⁹ Zwischenwelt wird durch die Sprachinhalte der Muttersprache und die in ihnen tradierten überindividuellen Sehweisen, Wertungen, Orientierungen der Sprachgemeinschaft konstituiert [Winfried Ulrich 1972].

Схематически все выше сказанное можно представить таким образом:

внешний мир → восприятие объективной реальности (посредством органов чувств) → умственная (когнитивная) / (детерминированная языком) обработка воспринятой информации в сознании на основе уже имеющегося знания о действительности → создание концептуальной картины мира → языковая репрезентация концептуальной картины мира.

На основе выстроенной цепочки, схематически представляющей процесс познания индивидуумом окружающей действительности и вербализацию этого знания, можем выдвинуть предположение о том, что изменение в любом звене приведет к цепным изменениям в последующих звеньях.

В таком случае правомерно полагать, что изменение значения лексемы (Bedeutungswandel) есть не что иное, как результат изменения концептуальной картины мира вообще и конкретного ментального представления о пространстве в частности¹⁰. Рассмотрим ряд примеров.

Древневерхненемецкая лексема (двн.) *stat, stata* (ide¹¹. *sta-, *ste- «stehen») изначально описывала место временной остановки кочевых германских племен. Закрепление за лексемой в сознании человека значения «место проживания (постоянного пребывания)» происходит в связи с переходом германских племен к оседлому образу жизни и последовавшей вслед за ним переоценкой ценностей в отношении своего родного и чужого пространства¹².

¹⁰ Здесь мы соглашаемся также с Г. Фрицом, который усматривал использование лексем в новом значении как следствие определенных когнитивных процессов и считал, что в рамках когнитивной семантики было бы возможно через анализ значения лексем получить доступ к когнитивным структурам [Fritz 2006: 5]

¹¹ ide. – здесь и дальше: *indoeuropäisch*

¹² Своим появлением в (лингво)культурологии понятия «свое» # «чужое» пространство обязаны французскому лингвисту Эмилю Бенвенисту. Анализом этой оппозиции, как репрезентирующей

В 12 веке происходит еще одно значительное изменение в семантике лексемы – появление в ее семантической структуре «правового компонента». Средневерхненемецкая лексема (свн.) *stat* получает новый семантический компонент («город», «правовое образование, жители которого наделены определенными правами и привилегиями»), который вытесняет другие конstituенты семантической структуры далеко на периферию. Следствием такого семантического преобразования лексемы свн. *stat* явилось также и то, что исконно германское слово *burg* со значением «город» было вытеснено из употребления.

Описанные семантические изменения лексем являются следствием изменений на концептуальном уровне, обусловленных в свою очередь экстралингвистическими факторами.

Семантическое развитие лексемы двн. *heima.*, свн. *heim* заключается также в расширении значения; в семантической структуре лексемы появляется компонент «семья». Это свидетельствует об изменении ментального представления о своем жилище, поскольку *heim* – в сознании человека перестает быть просто жилищем, в котором оседлый германец (*ide.* **kei-* „*liegen*“) ¹³ мог заночевать, отдохнуть, укрыться от непогоды и опасности, как это было раньше. Теперь это – «семейный очаг», «семья» (нвн. *Heim*) ¹⁴.

Пребывание в своем доме (как и вообще в пределах своего пространства) давало «чувство безопасности; защищённости», «уют», «психологического комфорта». Вербальное выражение этих когнитивных признаков ¹⁵ происходит через лексему *ahd.*, *mhd.* *hûs*, восходящей к *ide.* *(*s*)*keus* со значением „(*zu*)*decken*“, а также на фразеологическом уровне: *j-n hûsen oder herbêrgen / j-n hûsen oder hoven oder schirmen*, *Mein Haus ist mein Burg, zu Hause ruht man am besten aus* и др.

Как и в случае с *Heim* лексема *hûs* расширяет свое значение, включая в свою структуру компонент «домашнее хозяйство»,

пространство в аксиологическом плане, также занимались Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов, семиотик Ю.М. Лотман и, конечно же, Ю.С. Степанов.

¹³ vgl.: *ahd.* *heimingi* „Wohnbau“, *ahd.* *inheima, infaterheimin* „Wohnort“, „Wohnsitz“, dabei verbalisiert das Präfix *in-* zusätzlich solche konzeptuellen Merkmale, wie „Geschlossenheit“, „das Befinden / die Lage im Inneren“ und damit verbundene „Geborgenheit“, „Schutz“, „Sicherheit“, die zusammen im axiologischen Sinne ein gutes Verhältnis des Menschen diesem Raum, gegenüber schaffen.

¹⁴ *mhd.* *hîwische* „*Familie*“ ← *germ.* **hîwa(n)* ← *ide.* **kei* „*liegen*“ (H.Paul)

¹⁵ когнитивный (дифференциальный) признак есть отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания [Попова, Стернин 2007: 122]

«семья». Свидетельство такого семантического развития мы находим и на фразеологическом уровне: „von gutem Hause sein“, „Haus mit j-m halten“ (hûs halten), „ein großes (offenes) Haus führen“.

Наряду с расширением значения путем включения в семантическую структуру нового компонента возможны случаи утраты лексемой одной из сем. Так сема «возвышенность» лексемы свн. *hof* теряет свою значимость, а затем и вовсе вытесняется из ее семантической структуры, уступая место компоненту «примыкающее к дому пространство со всеми находящимися там постройками».

В некоторых случаях имеет место не просто утрата отдельного семантического компонента и его замена другим, а изменение всей семантики слова, например, свн. *gûm* теряет значение „обработанная земля“, приобретая абстрактное значение «пространство».

С переходом к оседлому образу жизни возникает потребность в размещении очага внутри жилища. Этот экстралингвистический фактор формирует в сознании человека устойчивую соотнесенность дома с очагом, а затем и обуславливает перенос наименования «Herd» на дом, например, *der heimische/ häusliche Herd, ein eigener herd, ein braves weib sind gold und perlen werth*.

Рассмотрим следующий блок примеров. Сюда мы отнесли лексемы, репрезентирующие ментальное представление о чужом пространстве, например, двн. *elilenti* свн. *ellende* «чужая земля» (ср. свн. *daz elende bûwen* «жить на чужбине», а также нвн. *ins Elend gehen, schicken*). Поскольку пребывание на чужбине было вынужденным и, как правило, сопряженным со страданием¹⁶, пространственная лексема в 11 в. приобретает значение «несчастный, полный страдания, жалкий».

Помимо рассмотренного переноса наименования с одного денотата на другой на основе *метафоры* возможен и перенос на основе *метонимии*, двн. *zimbar*, mhd. *zimber* изначально „строительный материал“, а позже „дом“, „комната“.

Со временем границы своего пространства расширяются, чужое постепенно познается, человек уже не испытывает страха перед далеким и неизвестным и всем, что с ним связано. Это отражается и на вербальном уровне. Лексема двн., свн. *gast* имевшая изначально значение „пришелец, чужой, незнакомец“ (ср. *ide. *ghostis* „чужак“) меняет свое значение, улучшая его, практически на противоположное – «гость» (Wolfgang Pfeifer: «*der bewirtete Fremde, der Besucher*»)

¹⁶ Hermann Paul: «*die Fremde wurde als etwas Unangenehmes gedacht, wohin man sich ungern begibt*»

Этому также способствует развитие бюргерства, торговли, социальных контактов.

Итак, мы снова наблюдаем изменение в семантической структуре лексемы (улучшение значения), описывающей явление, осознание которого вследствие изменения объективной реальности, происходит по-новому.

Важно также подчеркнуть, что по-новому на ментальном уровне отражается не только свое и чужое пространство, но и расположенное между ними пограничное (двн. marka, свн. marc). В качестве такой границы служили, как правило, лес (свн. holzmarke) или холм (свн. marchoug). Также пользовались и искусственными маркерами: камнями (двн. markstein / lâchstein / bietstein / mâlstein / tirmstein), деревьями (свн. marcbaum / mâlbaum), зарубкой на дереве (двн. lâh, mhd. lâche, fnhd. lache).

Семантическое развитие лексемы двн. marka, свн. marc, «пограничная линия» → «пограничная область» → «земля (страна)», свидетельствует, на наш взгляд о том, что пограничное пространство перестало существовать в представлении человека как только линия, по одну сторону от которой располагалось свое (хорошее) пространство, а по другую чужое (плохое). Пограничное пространство стало мыслиться скорее как некая промежуточная (переходная) область. Со временем семантический компонент «граница» и вовсе уходит из структуры значения; сама же лексема «Mark» пополнила ряд историзмов¹⁷, сохранившись лишь в топонимах (Mark Brandenburg).

Сложные слова с этим компонентом (holzmarke, marchoug, markstein, marcbaum, mâlbaum) и вовсе перестают употребляться, в силу того, что денотаты, обозначаемые ими реалии окружающего мира, в определенный период времени перестают быть актуальными для членов языкового сообщества и требовать выражения в языке.

Подводя общий итог представленного в статье фрагментарного анализа семантических изменений лексем-репрезентантов концепта «пространство» в диахронии, отметим, что все эти сдвиги и преобразования в значении продиктованы изменением на концептуальном уровне признаков объективной пространственной действительности, которые в процессе когниции (обработки информации нашим сознанием) выделяются как значимые для

¹⁷ На описанный процесс повлиял также и интралингвистический фактор, а именно – заимствование в 13 в. из польского языка лексемы „granica“ → свн. graniza «разделительная / разграничительная линия».

конкретного пространства в определенный период времени для данного языкового сообщества.

Библиографический список

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Fritz G. Historische Semantik. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2006. – S.197

Gipper, H. Gibt es ein sprachliches Relativitätsprinzip? Untersuchungen zur Sapir-Whorf-Hypothese. – Frankfurt: Verlag S. Fischer, 1972. – S. 331

Weisgerber, L. Grundzüge einer inhaltsbezogener Grammatik. – Düsseldorf: Verlag Schwann, 1963. – S. 100

Список использованных словарей

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

Sachwörterbuch für die deutsche Sprache / von e. Autorenkollektiv unter Leitung von Karl-Ernst Sommerfeldt u. Wolfgang Spiewok.- Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1989. – 248 S.

Winfried Ulrich Wörterbuch Linguistische Grundbegriffe. – Kiel: Verlag Ferdinand Hirt, 1972. – 143 S.

Lewandowski Theodor Linguistisches Wörterbuch 1. – Heidelberg: Quelle und Mayer, 1979. – 243 S.

Paul Hermann Deutsches Wörterbuch. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1954. – 957 S.

Pfeifer Wolfgang Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. – 453 S.